

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Чемпионат мира по моральной панике

Даниил Жайворонок

Даниил Жайворонок
Чемпионат мира по моральной панике
10/07/18

syg.ma

ru.anarchistlibraries.net

10/07/18

В преддверии Чемпионата мира по футболу в Бразилии в 2014 году христианские и радикально-феминистские организации, борющиеся с сексуальным рабством, начали распространять информацию о том, что страну ожидает массовый приток сексуальных рабынь. Правительство Бразилии решило начать серию операций по пресечению сексуального рабства. Это обернулось интенсификацией полицейских рейдов в борделях, арестами и насилием в отношении секс-работниц и работников. Несколько десятков транс-гендерных секс-работниц были задержаны и высланы в “родные” города. Но все это преподносилось как спасение жертв сексуального рабства. Похожая ситуация наблюдалась и перед Олимпийскими играми в Лондоне (2012), и Чемпионатом мира по футболу в ЮАР (2010). Во всех случаях христианские и радикально-феминистские организации предупреждали об ожидаемых 40,000 секс-рабынь. Запускалась моральная паника, итогом которой неизменно оказывалась интенсификация полицейского насилия в отношении секс-работниц и работников. А цифра 40,000 никогда не подтверждалась. Жертв сексуального-рабства не удавалось обнаружить вообще, либо их количество было в десятки тысяч раз меньше, чем заявленные 40,000. Тем не менее, и эта цифра и моральная паника по поводу сексуального рабства продолжают воспроизводиться при проведении спортивных мега-событий. В России перед ЧМ2018 Кризисный центр для женщин в Петербурге создал петицию с призывом к администрации ВКонтакте блокировать объявления о коммерческих секс-услугах, а консервативная христианская организация Exodus Cry уже заявила о том, что они обнаружили двух жертв сексуального-рабства в Москве. Грегори Митчелл, профессор исследований сексуальности и гендера в Williams College написал статью “Evangelical Ecstasy Meets Feminist Fury: Sex Trafficking, Moral Panics, and Homonationalism during Global Sporting

Events”, опубликованную в *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*. В ней он разбирает, как устроены подобные моральные паники, каков механизм их распространения, почему радикальные феминистки сотрудничают с консервативными христианами, и как все это сказывается на положении секс-работниц и работников. Сейчас Грегори Митчелл занимается большим проектом, продолжающим исследование этих тем. Он посещал Россию во время Чемпионата мира и согласился поговорить о глобальной борьбе с сексуальным рабством, влиянии США на глобальную политику в отношении коммерческого секса, связь ЛГБТК сообщества и движения за права секс-работниц и работников, американский поп-феминизм и еще много о чем.

Фрагменты беседы

Текущее исследование: о чем оно? Почему заинтересовала связка между большими спортивными событиями и коммерческим сексом? И что вы ждете от посещения России?

С 2006 года я занимался темой гей-туризма, гей-консюмеризма и тем, как развиваются направления для гей туризма. И я писал о Бразилии, которая превращается в одно из таких крупных направлений. И когда я оказался в Бразилии я увидел иностранцев, отдыхающих с красивыми парнями. Гей-туризм. Но почему здесь? Как это происходит? Я начал задаваться этими вопросами и стал общаться и с клиентами, и с теми, кто оказывает сексуальные услуги. Меня интересовало, какую роль их в их отношениях играют раса, сексуальность, аффект, каким смыслом их наделяют различные стороны, как выстраиваются отношения клиентов и мужчин, занимающихся коммерческими секс-услугами. Исследованию этих

теперь стала использовать феминизм в своей риторике. Но все это, тем не менее, либеральный феминизм... Он реформистский и нацелен на работу внутри существующей системы, а не на ее подрыв. Конечно, в нем присутствует критика неравенства внутри политических, культурных, юридических дискурсов, ограничивающих права женщин, но эта критика не идет дальше требований формального равенства внутри уже существующих политических структур. Мейнстримный феминизм не несет в себе какого-то радикального меседжа, это выхолощенная и упрощенная версия феминизма.

Беседовал Жайворонок Даниил. Специально для паблика SXWRK.

... Последние несколько лет мы видим огромный рост интереса к теме феминизма. В 80-х и даже в 90-х еще доминировал отрицательный образ феминизма. Люди, чьи политические взгляды скорее относятся к левому спектру, идентифицировали себя с феминизмом, но селебрити дистанцировались от этого лейбла. Потому что он имел слишком много отрицательных коннотаций. 6 лет назад, когда я читал курс по исследованиям гендера и сексуальности, я показывал своим студенткам и студентам разных звезд, которым было тогда в районе 20-ти. Кэтти Пери, Тэйлор Свифт, Бейонсе и остальных. Я показывал их цитаты, где они говорили что-то вроде “Я не феминистка, но я верю в равенство между мужчинами и женщинами” или “Я не феминистка, потому что я не считаю, что мы должны осуждать других людей” и так далее. То есть они несли ахинею, которая ничего не значит. Но затем что-то начало меняться и я думаю, что Бейонсе сыграла в этом очень важную роль. Потому что на церемонии награждения MTV VMA она поставила слово “FEMINIST” огромными буквами во время своего выступления. Это был момент, когда звезда такого уровня открыто назвала себя феминисткой, хотя она и до этого пела “Who run the world? Girls!” и использовала риторику girl power. Но после этого перформанса Бейонсе все как будто поняли, что публично провозглашать феминистскую идентичность стало возможным на всех уровнях. Затем Тейлор Свифт сказала, что раньше она не понимала до конца значение феминизма, но она много читала, и теперь поняла, что она феминистка и так далее. И вдруг все студентки и школьники начали читать про феминизм. Популярность курсов по исследованиям гендера и сексуальности резко возросла. Такие курсы захотели посещать даже те, кто обычно раньше этого не делал. Даже Хиллари Клинтон, которая в то время, когда она была первой леди дистанцировалась от этого определения,

вопросов была посвящена моя выпускная работа, а затем и книга.

В общем, я всегда занимался мужской проституцией. И я не пересекался с радикальными феминистками, потому что их эта тема не волнует. Мужская проституция и геи никогда не упоминаются в дискурсе о траффинге, потому что никто не считает, что мужчины могут стать жертвами сексуального рабства. Но в 2013-м году, в преддверии ЧМ в Бразилии, полиция начала проводить рейды в борделях и в кварталах красных фонарей, бить и насиловать женщин. Полицейские вели себя очень жестоко. И в это же время актуализировался дискурс о сексуальном рабстве (trafficking), и начали появляться христианские активистские группы из США и Европы, а также радикальные феминистки. И все они говорили одно и то же: ожидается появление 40,000 жертв сексуального рабства во время ЧМ в Бразилии. Поэтому мы должны действовать и зачистить кварталы красных фонарей. Потому что там нарушаются (по их мнению) права человека. И это несмотря на то, что секс-работа является легальной в Бразилии... В итоге мы наблюдали интенсификацию преследований людей, занимающихся коммерческим сексом, и нас также заинтересовал этот странный, неожиданный альянс между радикальными феминистками, евангелистами-миссионерами, коррумпированным полицейским аппаратом (бордели платят взятки полицейским), девелоперами (заинтересованными в выдворении секс-работниц и работников и застройке кварталов красных фонарей новыми проектами)... то есть это действительно странный набор групп. И все они говорили о 40,000 потенциальных жертв сексуального рабства, которых необходимо спасти. Но результатом такого гуманизма становилось только увеличение полицейского насилия по отношению к людям, которые уже занимаются коммерческим сексом. И это не было новым открытием:

все кто занимался исследованием этого вопроса (эффектами моральной паники по поводу сексуального рабства), говорят об этом¹.

И вообще, с каждым спортивным мега-событием, будь то ЧМ или Олимпийские игры, вне зависимости от того, где они проходят, мы наблюдаем повторение одного и того же паттерна. Но никто не задавался вопросом о том, почему это происходит. Почему в Бразилии, Лондоне, ЮАР и России, таких разных во многих отношениях странах, во время спортивных мега-событий наблюдается одна и та же ситуация. И именно об этом будет моя следующая книга, над которой я сейчас работаю.

Большей частью она по-прежнему будет посвящена Бразилии. Но мне также нужно было посетить Россию. И еще я был в Лондоне. Там я интервьюировал радикальных феминисток, сотрудников полиции и других служб. В книге будет также анализ официальных документов и заявлений, видеороликов против сексуального рабства от футбольных команд, заявлений Папы и тд.

Как мы можем объяснить глобализацию этого паттерна? То, что одна и та же ситуация воспроизводится от места к месту?

Я работаю над этим вопросом. Обычно во всем винят неолиберализм. Но это объяснение которое на самом деле не объясняет то, что происходит. Потому что мы, скорее, наблюдаем то, что Пол Амар называет *parastatal alliance*², т.е. союз между НКО и государством, в котором НКО ста-

¹ О том, что не так с современной глобальной борьбой с сексуальным рабством можно прочитать здесь.

² Пол Амар пишет, что *parastatal* обозначает “coalitions that can include government policymakers, NGOs, private-security agencies, morality campaigns and property developers... performing the public functions of a state that has outsourced its functions into a parallel realm of reduced accountability and unregulated power.” (Amar 2013: 18)

людей. *By and large, if you are a SWERF you are also a TERF*, и тебе наплевать на жизнь транс-гендерных людей⁷.

Но я также думаю, что и движение секс-работниц и работников не сильно преуспело в осмыслении пересечения различных линий идентичности и угнетения, особенно в отношении расы и расиализации. Существует, например, Desire Alliance — по моему самая крупная организация секс-работниц и работников в США, которая состоит из и управляется секс-работницами. Они регулярно проводят конференции и другие мероприятия. В их руководстве представлено много не-белых женщин и транс-людей. Эта организация очень инклюзивна по отношению к не-белым людям и транс-гендерным людям. Тем не менее, в целом не-белые люди все еще плохо представлены в движении секс-работниц и работников. Также плохо представлены мужчины секс-работники, как гетеро- так и гомосексуалы.

Вообще мне близка идея о том, что права секс-работниц и работников пересекаются и должны быть переформулированы как проблема прав квир-людей. Потому что коммерческий секс, даже когда это гетеросексуальный, традиционный секс, это все равно квир-секс, потому что он не-нормативен и дестабилизирует традиционные гетеросексуальные структуры. В некотором смысле, *the whore is the original queer*. Поэтому я считаю, что мы должны стараться помещать квирность в центр движения секс-работниц и работников, как в теории, так и на практике.

Что происходит внутри феминистского движения в США? Какая версия феминизма является доминирующей на данный момент?

⁷ SWERF (sex workers exclusionary radical feminists) — радикальные феминистки, исключаящие из своего движения секс-работниц; TERF (trans-exclusionary radical feminists) — радикальные феминистки, исключаящие из своего движения транс-людей. Подробнее о SWERF и TERF тут. vk.com

Мне кажется, что один из самых больших провалов радикального феминизма заключается в том, что они определили проблему проституции исключительно узко, по сути включив только “проституированных женщин” (они же не используют термин «секс-работницы»). И они очень плохо представляют, кто и почему на самом деле занимается коммерческим сексом. Они рассматривают коммерческий секс не как профессию, и не как некоторую форму заработка, к которой люди могут прибегать не только на постоянной основе, но и в тех случаях, когда им нужны дополнительные доходы. В целом, большинство людей занимается коммерческим сексом не на постоянной основе. Люди занимаются им временно, на сезон, уходят и приходят и так далее. Но радикальные феминистки соредотачиваются только на определенных категориях “проституированных женщин”, которые соответствуют их собственным представлениям и концепциям. Они также не замечают бездомной молодежи, для которой коммерческий секс зачастую оказывается единственной стратегией выживания. А среди бездомных молодых людей очень много представительниц ЛГБТК сообщества. Исследования бездомных молодых людей, несовершеннолетних, занимающихся коммерческим сексом в Нью-Йорке, показали, что почти половина из них — гомосексуальные мужчины. И это полностью противоречит стереотипу радикальных феминисток, о том, что большинство несовершеннолетних, занимающихся коммерческим сексом — девушки. Но они этого не видят и не понимают, что коммерческий секс очень тесно связан с ЛГБТК сообществом. Но, по большому счету, радикальные феминистки не очень интересуются проблемами ЛГБТК людей, и им нечего сказать о проблемах транс-гендерных

ли заниматься тем, чем раньше занималось правительство. И я думаю, что такой подход адекватнее для рассмотрения новой системы правительности (governmentality), которая уже включает не только государство, но и парастатальные организации, статус которых гораздо более мобилен и подвижен. А благодаря тому, что многие влиятельные НКО транснациональны, то они могут появляться в ЮАР или в России и воспроизводить один и тот же паттерн в границах разных национальных государств. Поэтому в своем исследовании я сочетаю теорию Амара о parastatal alliances с концепциями карцерального феминизма и милитари-гуманизма, разработанными Элизабет Бернстайн³.

Что бы вы могли сказать о связке радикальных феминисток и религиозных консервативных групп? Для российского политического ландшафта она кажется странной, но, насколько я могу судить, в США и Европе такой союз уже не вызывает удивления?

Это действительно довольно старая связка. Ее история восходит к 1980-м, или даже концу 1970-х, и так называемым феминистским секс-войнам. Как мне кажется самым значимым событием в этой ситуации стал билль в Индиане о запрете порнографии, составленный радикальными феминистками Кэтрин МакКиннон и Андреей Дворкин. И это был очень важный момент. (Потому что Кэтрин МакКиннон, изучавшая право, прекрасно знала, как взаимо-

³ С помощью понятия карцерального феминизма Элизабет Бернстайн описывает трансформацию радикально-феминистской теории и политики, перешедшей от критики патриархального государства и требований социальной и экономической справедливости и структурных общественных трансформаций к рассмотрению репрессивного аппарата государства как основного инструмента, способного контролировать и направлять развитие общества. Перевод статьи Бернштейн здесь.

действовать с евангельскими христианскими группами и знала как не быть отпугивающей, стереотипной феминисткой. Она была почетным профессором права, у нее была репутация, и она не ассоциировалась с радикальной версией феминизма.) Но были также и феминистки, которые сотрудничали с администрацией Никсона и с комиссией по цензуре в Нью-Йорке, то есть целый ряд лидерок феминизма второй волны начали сотрудничать с республиканцами и участвовать в их проектах.

Распространение порнографии на видео-кассетах вызывал в это время сильную моральную панику в американском обществе, так как на VHS она попадала в пространство дома, в то время как раньше нужно было идти в кинотеатр или в салон. Люди были напуганы тем, что порнография стала доступной, и что она могла оказаться в их доме. Ведь теперь это могут увидеть дети и так далее. Началась моральная паника, которая и сделала возможным альянс радикальных феминисток и христианских групп, выступавших против порнографии. Но все равно это непростой альянс. И в своем исследовании я как раз пытаюсь понять, в какой степени вообще осуществляется кооперация между этими двумя группами, и какую форму она имеет... Потому что иногда они действительно взаимодействуют, но возможно, что иногда они просто повторяют набор общих аргументов. Например, я бы хотел узнать, существует ли подобное взаимодействие между религиозными и феминистскими группами в России.

Какую роль США играет в международной борьбе с сексуальным рабством?

США выделяет очень много средств на борьбу с сексуальным рабством. В США существует Anti-Prostitution

работниц в следующем году, так как ее организация может рассматриваться как распространение информации о коммерческих секс-услугах. И, конечно, борьба с проституцией и секс-траффикингом открывает простор для самых различных манипуляций и запретов. Даже в скандале с детьми мигрантов, которых Дональд Трамп решил отделять от их семей, некоторые люди в интернете пишут, что на самом деле это не так. Что на самом деле этих детей спасли от сексуального рабства. И это, конечно, ложь. Потому что этих детей забирают у их родителей, которые вовсе не собирались отдавать их в сексуальное рабство. Но дискурс борьбы с сексуальным рабством — это такой мощный инструмент, что с его помощью можно легитимировать и оправдать практически все, что угодно.

Потому что борьба с сексуальным рабством рассматривается как абсолютное добро.

Да. Как какой-нибудь политик может проголосовать против закона, борющегося с сексуальным рабством? И не ожидать, что это будет использовано против нее или него?

Что можно сказать о пересечении между политической ЛГБТК-сообщества и политикой в отношении коммерческого секса? Кажется, сейчас доминирует подход, в котором коммерческий секс рассматривается как проблема связанная с гендером и положением женщин, но что если сместить фокус и начать рассматривать коммерческий секс как не-нормативную сексуальную практику, которая маргинализуется в обществе? Что если посмотреть на коммерческий секс как на один из немногих доступных способов заработка для людей, которые в силу своей сексуальной и гендерной нон-конформности исключаются из других сфер занятости, как, например, часто происходит с транс-гендерными людьми?

... В США никто не хочет видеть проституцию, поэтому они предпочитают рассматривать всех женщин как жертв... Общество не готово принять идею о женщинах, делающих выбор в пользу коммерческого секса. Поэтому я не думаю, что секс-работа будет декриминализована в США. Скорее, мы увидим ужесточение наказания в отношении клиентов. И это приведет опять таки только к дополнительным сложностям в настоящей борьбе с рабством. Потому что если отбросить все эти радикально-феминистские разговоры о том, что вся проституция — это рабство, и рассматривать случаи, когда женщины действительно находятся в сексуальном рабстве, занимаются проституцией по принуждению и их свобода ограничена, то клиенты — это единственные люди, с которыми у них есть контакт⁶. И на самом деле клиенты часто сообщают о случаях принуждения к проституции. Но если клиенты будут криминализованы, то они просто не пойдут в полицию, опасаясь того, что сами понесут наказание.

Криминализация всегда имеет побочные действия. Но радикальные феминистки предпочитают этого не замечать. Они просто говорят, что это работает. И что вовлечение в коммерческий секс снижается. Но на самом деле проституция просто уходит в еще большее подполье, а и без того маргинализированные женщины оказываются в еще более тяжелой ситуации. Вот почему, в частности, эффектом закона FOSTA-SESTA становится рост уязвимости секс-работниц. Закрытие сайтов с рекламой секс-услуг не приводит к их исчезновению. Оно просто делает их менее видимыми и более опасными. Из-за FOSTA-SESTA под угрозой оказалось и проведение конференции секс-

⁶ О том, почему радикальные феминистки считают **весь** коммерческий секс — рабством, в независимости от того, что об этом думают сами секс-работницы, можно почитать, например, в этой статье.

Loyalty Oath⁴, это закон, согласно которому группы и организации, поддерживающие декриминализацию проституции не могут получать финансирование от USAID. Этот закон был отменен решением Верховного суда несколько лет назад, но который до сих пор распространяется на иностранные организации. Например, Бразилия не получила 40 млн. долларов на профилактику ВИЧ. Бразильское правительство включило Davida, крупную организацию секс-работниц и работников, в работу над проектом, так как они понимали, что наиболее эффективно профилактику ВИЧ смогут осуществить не студенты или исследовательницы, но сами секс-работницы и организации работающие с ними. Секс-работницы, обучающие друга друга — это гораздо более эффективный способ профилактики. И правительство Бразилии хотело включить их в процесс принятия и разработки решений. Но США отказало им в финансировании, поскольку Davida поддерживает декриминализацию. В итоге Бразилия не получила деньги... Поэтому мне кажется, что США, через свою политику финансирования, играет действительно решающую роль в развитии и распространении движения против сексуального рабства.

Но почему США занимает именно такую позицию? Почему они, например, не спонсируют, движение секс-работниц?

Потому что и республиканцы, и демократы в США занимают действительно консервативную позицию в отношении сексуальности. Американцы в принципе боятся тем сексуальности. Поэтому у нас нет сексуального образования. Мы вообще не учим людей ничему, кроме того, что

⁴ Anti-Prostitution Loyalty Oath была отменена в 2013 году в отношении организаций, базирующихся в США, как нарушающая Первую поправку конституции. Но она сохранила силу в отношении иностранных организаций, претендующих на получение финансовой помощи от USAID. Подробнее см. вики.

секс — это опасность. Именно поэтому США каждый год тратит миллионы долларов на программы, которые на самом деле никак не работают. Уровень нежелательных беременностей и ЗПП растет с каждым годом. Но это потому, что образовательные программы направленные на борьбу ЗПП учат только тому, что такое ЗПП, но они не учат тому, как заниматься сексом безопасно, более безопасно. Например, мои студентки и студенты ничего не знают о ПрЭП. И когда я рассказываю им об этом, они удивляются тому, что существует эффективная профилактика ВИЧ, что можно обезопасить себя от ВИЧ с помощью ПрЭП. А ведь ПрЭП, в случае его распространения, мог бы привести к победе над ВИЧ за одно поколение. Но, конечно, этого не происходит по многим причинам, в том числе связанным с политикой его распространения и доступности. Но то, что мои студентки и студенты, а они действительно очень умные и образованные, даже не знают что такое ПрЭП, показательно.

И США экспортируют свою политику в отношении сексуальности. В суб-сахарианской Африке они учат людей только воздержанию. И это, конечно, не самый эффективный путь. Но США выделяет деньги только на те программы, которые не противоречат доминирующей белой, христианской морали. И это влияет на крупнейшие организации по борьбе с сексуальным рабством. Например, Polaris project и другие подобные организации, которые получают очень значительное финансирование. И когда во время обсуждений в ООН нужно включить какое-нибудь НКО с отчетом или предложением, то будут приглашать Polaris project, потому что у них есть деньги, они видимы, у них есть связи, они умеют работать в подобных структурах. Но на самом деле такие организации заполучают все деньги, а организации непосредственно работающие с секс-работницами и работниками, занимающиеся профилакти-

кой, помощью, созданием шелтеров, остаются недофинансированными. У них нет денег. Polaris же не занимается подобными вещами. Они тратят деньги на PR кампании и лоббирование⁵...

Демократы и республиканцы могут найти общий язык по вопросу борьбы с сексуальным рабством именно потому, что они не хотят говорить о других формах современного рабства, они не хотят говорить о трудовом рабстве, они не хотят говорить о мигрантках и мигрантах собирающих томаты и вишни, потому что здесь они не могут прийти к единому мнению. Но они могут прийти к нему по вопросу о сексуальном рабстве. Поэтому на борьбу с сексуальным рабством уходят все ресурсы, хотя это относительно небольшой процент по сравнению с другими формами рабства, и, прежде всего, трудовым рабством. И поэтому трудовое рабство остается, по большому счету, невидимым.

Например, женщина-мигрантка из Мексики, работающая в Калифорнии в очень плохих условиях, собирая фрукты или овощи, также находится уязвимом положении. Она может быть изнасилована или принуждена к сексу. Или няни-мигрантки, которые могут подвергнуться сексуальному домогательству в доме, в котором они работают. Но организации, занимающиеся борьбой с сексуальным рабством как будто не хотят видеть существование других форм сексуальной эксплуатации, кроме коммерческого секса, который, конечно, важен, но не является наиболее распространенной формой. Это происходит потому, что финансирование получают только проекты, связанные с сексуальным рабством, а не с трудовым...

⁵ Подробнее о финансовой организации, отчетности и деятельности НКО, борющихся с сексуальным рабством можно прочитать тут (рус) или тут (англ).